

ФИЛОСОФИЯ

УДК 316.334.23:1

ДУХОВНО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ БЕЛАРУСИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

А.И. ОСИПОВ

*Институт подготовки научных кадров Национальной академии наук Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь*

В Республике Беларусь взят стратегический курс на инновационное развитие, утверждена Государственная программа инновационного развития. Главной целью Программы является создание инновационной, конкурентоспособной, наукоемкой, ресурсо- и энергосберегающей, социально ориентированной экономики, обеспечивающей устойчивое социально-экономическое развитие страны и повышение качества жизни белорусского народа.

В Программе сделан упор на разработку и внедрение инновационных наукоемких технологий, которые призваны значительно увеличить производительность труда, обеспечить снижение себестоимости производимой продукции и повышение уровня жизни. Для успешного научно-технического развития необходимо создание эффективного правового и экономического механизма, который бы стимулировал разработку и внедрение высоких технологий в производство. Именно внедрение было и остается самым слабым звеном в системе «наука – производство». В этом направлении делается немало со стороны государства, но сделать предстоит еще больше. Какими бы правильными не были различные программы, указы, они при всей своей необходимости не могут породить высокие технологии и инновационную экономику. Без создания реальной конкурентной среды, которая вынуждала бы производителей «гоняться» за разработчиками технологических инноваций (а не наоборот, как это имеет место сейчас), инновационное развитие невозможно. Кроме того, необходимо преодоление иждивенчества, безынициативности, этатистско-патерналистского комплекса в сознании очень многих людей. Привычка рассчитывать на государство, его опеку, помощь, боязнь самостоятельности и ответственности подавляют инициативу и предприимчивость. Это необходимо изживать.

Инновационное развитие не следует сводить, как это часто делается, к научно-техническому и экономическому развитию. Наша цель должна состоять не в том, чтобы «догнать и перегнать» развитые страны (к чему стремились в хрущевские времена). Стратегия «догоняющей модернизации» обрекает на вечное отставание. Нужно стремиться к тому, чтобы занять достойное место в мировом сообществе, обеспечить достойную жизнь нашим людям. А достойная жизнь не сводится к высокому уровню жизни, к материальному благополучию. Она должна включать нечто большее – духовное измерение, без которого материальное благополучие превращается в самодовольную сытость.

Духовность не есть следствие материального благополучия и не является также каким-то к нему приложением. Поэтому ошибочным является мнение, что нужно сначала обеспечить людям материальное благополучие, а потом думать о духовности. Без духовно-нравственного измерения жизнь человека даже комфортная и благополучная теряет свою глубину и подлинный смысл. Духовность относится к сфере смысложизненных ценностей, определяющих содержание, качество и направленность человеческого бытия и образ человеческий в каждом индивиду. Духовность предполагает выход человека за рамки узко-эмпирического (пусть и комфортного) бытия, преодоление себя «вчерашнего» в процессе совершенствования и восхождение личности к высоким идеалам и ценностям в процессе ее жизнестворчества.

Нельзя редуцировать человека к потребителю, рассматривать материальный комфорт и благополучие как главную цель жизни. По такому пути идет западное постиндустриальное общество, для которого характерна тотальная материализация бытия человека. Экономизм стал господствующим мировоззрением на Западе. Через призму рынка, выгоды, прибыли, рентабельности рассматривается все, что существует. Дух безудержного потребительства (консюмеризм) и гедонизм (жажда наслаждений, острых ощущений) – свидетельство глубокого духовного кризиса Запада на фоне материального комфорта и благополучия.

В современную эпоху под угрозой оказывается само существование личности, поскольку личность – это духовная характеристика человека. «И дело здесь не только в секуляризации христианской культуры, а в разрушении сакральных основ самого бытия человека, невостребованности духовного измерения человеческого существования. Идеалом жизненного успеха в общественном сознании представляется карьера звезды шоу-бизнеса, спортивной знаменитости, высокооплачиваемого актера или преуспевающего бизнесмена. Область духовных интересов перемещается на периферию общественного сознания, становится способом проведения досуга, хобби для чудаков и маргиналов. Но нельзя безнаказанно ампутировать духовное. «Свято место пусто не бывает», рано или поздно его заселяют бесы» [1, с. 176-177]. Это очень созвучно с высказыванием Патриарха Московского и всея Руси Алексия II: «Если в душе нет места святости, в ней воцаряется мерзость запустения».

Можно сделать вывод о том, что жизнь, в которую погружен человек постиндустриального общества, представляет собой огромный гипермаркет, в котором продается все (товары, услуги, ощущения, таланты и т.п.), и гигантское театрализованное шоу, напичканное разнообразными спецэффектами.

Возможности оперативной коммуникации в информационном обществе неизмеримо возрастают. Но при этом происходит формализация межличностных отношений. Поверхностная информационная коммуникация вытесняет живой человеческий диалог, экзистенциальное общение («от сердца к сердцу», «глаза в глаза»). «Роскошь человеческого общения» поистине становится ненужной и обременительной роскошью в информационном обществе.

Постиндустриальное общество потребления явилось той почвой, на основе которой в последней четверти XX века возник постмодернизм – направление в искусстве и философии, ставшее очень популярным к концу столетия. Для постмодернизма характерно разочарование в разуме и прогрессе, неверие в будущее. Постмодернистское общество теряет интерес к целям, для него характерны «гипертрофия средств и атрофия целей» (П.Рикер), разочарование в идеалах и ценностях. Отсюда цинизм и релятивизм нравственных ценностей, принимающий форму гедонизма, культ чувственных и физических наслаждений, удовольствий, развлечений.

Постмодернистский человек – это в полном смысле массовый человек, которого сравнивают с магнитофоном, подключенным к телевизору, без которого он теряет жизнеспособность. Это конформист, готовый поступиться любыми принципами ради достижения успеха. Его мировоззрение лишено прочной опоры, оно размыто и неопределенно [2, с. 283-284].

Иными словами, можно говорить о некоем духовном бессилии человека постиндустриального общества. «Насколько безгранична его возможность иметь, настолько бессильна его способность быть» [3, с. 60]. Можно согласиться с известной поэтессой и прозаиком Олесей Николаевой, которая говорит о «чувственной бесчувственности человека эпохи постмодернизма, о его сердечном омертвлении, которое происходит на фоне разгула его страстей. Такой человек не любит – он «занимается любовью». Он не творит, он «самовыражается». Он не смиряется – он пытается приспособиться. Он не блаженствует – он получает наслаждение. Он не раскрывает в себе образа Божьего – он делает себе имидж. Он даже не играет – он «ведет» игру» [4, с. 120-121].

Постмодернистские восторги относительно постиндустриального общества, якобы освобождающего и раскрепощающего человека, вызывают только горькие сожаления. Освобождение и раскрепощение человека, о котором любят многие говорить, на деле есть раскрепощение человеческих страстей и инстинктов, освобождение от нравственных норм, что ведет к духовно-нравственному релятивизму, граничащему с цинизмом. Человек превращается фактически в раба своих страстей, в «машину желаний», марионетку, которой умело манипулируют, создавая у человека иллюзию свободы.

Это скорее духовный регресс, а не прогресс человечества на фоне стремительного научно-технического прогресса. Иными словами, наряду с научно-техническими, социально-политическими и экономическими приобретениями имеют место и потери, прежде всего в экзистенциальной, духовно-нравственной сфере. Можно, вслед за М.Блюменкранцем, поставить вопрос о том, не является ли неизбежной платой за невиданный научно-технический прогресс общества и неотъемлемые завоевания современной западной демократии катастрофическое понижение ресурсов человеческого в человеке, вырождение его духовной природы, деградация присущей ему воли к творчеству? [3, с. 51]. «Все прогрессы реакционны, если рушится человек» (А.Вознесенский).

Наша модель социально-экономического развития не должна слепо копировать западный образ жизни, стандарты и ценности, которые сформировались в ином культурном пространстве. Рыночной должна быть экономика, но не общество. Технологичным должно быть производство, но не образ жизни. Мы должны стремиться к утверждению более гуманных, нравственно оправданных форм

жизни, связанных с утверждением особого типа человеческой солидарности, не сводимого лишь к политико-правовым и экономическим связям и отношениям. Последние являются феноменами цивилизационными, т.е. рационально-инструментальными, организационно-технологическими. Это означает, что они имеют общие черты, что позволяет их тиражировать, переносить в другое культурное пространство. Но необходимо учитывать, что эти цивилизационные феномены имеют и специфические черты, обусловленные неповторимостью культурно-исторической почвы их породившей. Поэтому при переносе цивилизационных феноменов, возвращенных одной культурной традицией, необходима их адаптация к другой культурной традиции. Иначе может произойти их отторжение.

Иными словами, надо адаптировать идеи рынка к нашим неустранимым особенностям, а не пытаться слепо и бездумно копировать чужой опыт, возвращенный в иное культурное пространство. По мнению А.Зиновьева, в России «не получится ни демократия западного образца, ни рыночная экономика в том виде, как она реально существует на Западе, а не в воображении российских реформаторов» [5, с. 3].

Нам не стоит «ломать» и перекраивать себя, свою душу, свой менталитет, чтобы в погоне за западными стандартами занять очередь в потребительский рай. Все равно такими как они, мы не станем, ибо слишком велики культурно-исторические различия. А превратиться в третьесортных (по западным меркам) потребителей, стремящихся во всем походить на преуспевающих американцев, завидующих им и преклоняющихся перед ними, было бы просто стыдно и обидно. Променять наше неповторимое национально-культурное своеобразие, накопленный в течение столетий духовно-нравственный потенциал нашего народа на материальный комфорт и благополучие – значило бы совершить роковую историческую ошибку. Духовность и «сытость», которая подразумевает самодовольство, летаргический сон души, являются антиподами. Именно «сытость», а не материальное благополучие, которое вполне может сочетаться со стремлением человека к высшему, чистому, светлому.

Нам необходимо, опираясь на свои культурно-исторические и религиозные традиции и ценности, не утрачивая своего лица, своей самобытности, перенять у Запада все действительно ценное и нужное для нас. Стоило бы поучиться у Запада демократическим принципам организации политической и гражданской жизни, правовой культуре, уважению достоинства человека, чувству личной ответственности и т.п. А вот перенимать западную расчетливость и прагматизм, сухость межличностных отношений, не говоря уже о духе потребительства и гедонизма, вряд ли стоит. И уж совсем негоже отрекаться от собственных традиций и ценностей, превращаться в культурных мутантов и маргиналов.

Культурно-историческая традиция есть некий необходимый способ закрепления и селективного сохранения определенных значимых элементов социального опыта, прошедших отбор, выдержавших проверку временем. Традиция обеспечивает генетическую связь, устойчивую преемственность в культурно-историческом процессе, приобщение к которому – необходимое условие национальной, групповой и персональной идентичности.

Отказ от культурно-исторических традиций своего народа ведет к разрыву преемственности, дестабилизации, дезинтеграции, кризису идентичности. Другая крайность – консервация сложившихся социально-культурных форм жизнедеятельности народа. Поэтому необходимо как сохранение традиций, так и творческое развитие накопленного опыта, инновации в их органической взаимосвязи. Сохранение означает не консервацию, а бережное отношение к своим традициям и ценностям, которое предполагает уважительное отношение к чужим традициям, открытость к продуктивному диалогу с ними, результатом которого должно стать духовное взаимообогащение, а не уничтожение, растворение, поглощение. Консервация же контрпродуктивна, закрыта для диалога, ведет к изоляционизму, отсталости, выпадению из мирового процесса. Консервация – неадекватная защитная реакция на перемены, ведущая к напряженности и конфликтам.

Бережное отношение к своим традициям означает гармоничное сочетание преемственности и инновационности. Нам необходимо творчески осмыслить себя и свое место в мире. Необходим вдумчивый глубокий и всесторонний анализ наших культурно-исторических традиций с точки зрения того, что следует сохранить из накопленного опыта, а что оставить в прошлом. Такой же селективный подход необходим в отношении инноваций. Только в таком случае возможно формирование адекватной национальной идентичности белорусского народа, осознание им себя как интегрированной общности свободных индивидуальностей в гражданско-политическом, социально-экономическом, культурно-историческом и духовно-мировоззренческом смыслах. Тогда мы будем

уважать себя, нас будут уважать, а наш народ, наша страна займут достойное место в мировом сообществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блюменкранц, М.. Общество мертвых велосипедистов/ М. Блюменкранц // Вопросы философии. – 2004. – №1.
2. Современная западная философия. – Минск, 2000.
3. Блюменкранц, М. В поисках имени и лица. Феноменология современного ландшафта / М. Блюменкранц // Вопросы философии. – 2007. – №7.
4. Николаева, О. Современная культура и Православие./О. Николаева. – М., 1999. – 280 с.
5. Зиновьев, А. Русский эксперимент /А. Зиновьев. – М., 1995. – 431 с.

SPIRITUAL AND INTELLECTUAL BASES OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF BELARUS IN THE CONDITIONS OF GLOBALIZATION

A.I. OSIPOV

Summary

Position that innovative development should include spiritually-world outlook measurement is proved. The basic manifestations of spiritual crisis of a postindustrial society are considered: consumerism and hedonism. Necessity of adaptation such civilizational phenomena, as a lawful state and market economy to features of our cultural -historical traditions are proved. Necessity of preservation of our national-cultural originality that means not conservation, but creative development of East Slavic traditions and values is underlined.

Поступила в редакцию 8 октября 2009г.